

— Твой дружок-то там еще на что-то способен?

Стоило заговорить о его мужском достоинстве, как лицо того человека тут же помрачнело. Ли Чу едва не лишил его этого сокровища, и с тех пор, как они вернулись в Хуасинь, оно пребывало в жалком, вялом состоянии.

— А ухо тебе не откусили?

Тот, кому досталось ухо, лишь безмолвно сжал зубы. Оба они затаили глубокую обиду и твердо намеревались заставить Ли Чу заплатить по счетам — простого коленопреклонения им было уже недостаточно.

В Хуасине они привыкли чувствовать себя хозяевами жизни, глядя на всех свысока, и никто не смел попирать их достоинство. Ли Чу стал первым.

Пока они обменивались колкостями, в поле зрения показалось до боли знакомое лицо. Они поняли: их игрушка для битья наконец явилась.

Ли Чу, зажатый в угол несколькими парнями, пятился назад, пока до его ушей не донесся вопрос:

— Брат Цзян знает?

— Он спит.

Тот, кому Ли Чу откусил ухо, довольно щелкнул пальцами и произнес:

— Прекрасно.

Он медленно приблизился к Ли Чу, крепко сжимая в руке палку, и с размаху ударил его прямо в живот.

Живот Ли Чу был уязвим и не мог выдержать такого сильного удара. На лбу выступил холодный пот, он стиснул зубы, терпя невыносимую боль, а губы его побелели.

Но нападавший не дал ему даже перевести дыхание. Собрав все силы, он нанес еще один удар — на этот раз по коленям.

Ли Чу потерял равновесие и рухнул на пол; звук удара палки о кости заглушил его стон.

Увидев, что Ли Чу лишился способности сопротивляться, двое парней начали по очереди

охаживать его палками, методично нанося удары по самым болезненным местам.

Ли Чу опустился на пол, пытаясь унять боль, но каждый удар лишь сильнее терзал его нервы.

Обидчики торжествовали, их лица сияли отвратительным восторгом. Вероятно, им было мало, и тот, чье достоинство пострадало, с силой наступил Ли Чу на шею, вдавливая голову в пол.

— Умоляю, отпустите меня!

Лицо молящего о пощаде исказилось от ужаса, глаза наполнились слезами. Стоя на коленях, он дрожащими руками тер пол и без конца просил о милосердии.

В Хуасине он был вечной мишенью для травли, годами подавляемый ими, из-за чего его психика оказалась сломлена. Он был для них словно цепной пес, чье тело они уродовали ради собственного развлечения. Ему не на кого было опереться, он не мог и не смел сопротивляться.

Но для его мучителей эти мольбы были лишь предметом насмешек.

— Хочешь, чтобы мы тебя отпустили? Ладно! Сделай так, чтобы он взял твое достоинство в рот.

Глаза молящего расширились от шока, он в ужасе уставился на них, не в силах пошевелиться, и лишь продолжал мелко дрожать.

— Чего застыл? Давай быстрее! Или ты хочешь, чтобы мы лишили тебя мужской силы?

— Ой, нет... кажется, он потерял сознание.

Парни, которые до этого нещадно избивали Ли Чу, окружили его плотным кольцом. Видя, что он не шевелится, они невольно занервничали.

— Да у него жизнь копеечная, не останавливайтесь, продолжайте.

Получив приказ, они засуетились и, переглянувшись, нанесли еще несколько пинков по животу Ли Чу.

Один из них, заметив, что лицо Ли Чу стало мертвенно-бледным, а сам он не подает признаков жизни, задержал дыхание, сглотнул слюну и осторожно приблизился.

— Он... кажется, он не дышит...

Испугавшись, он попятился назад, и его панический крик эхом отразился от стен.

Однако тот, кому откусили ухо, не выказал ни капли страха. Напротив, он не поверил — слишком часто видел, как Ли Чу притворяется.

Он медленно подошел к распростертому телу и свысока нанес еще несколько ударов ногами. Выпустив пар и не дождавшись реакции, он схватил Ли Чу за край одежды и потащил в сторону кранов.

Тело Ли Чу волочилось по грязному полу, но он уже давно пребывал в беспамятстве.

Лишь когда ледяная струя воды с силой ударила в голову, Ли Чу захлебнулся, и его дыхание перехватило. Жизнь, полная нечистот и гнили, окончательно истощила его.

Голова была зажата, двигаться было невозможно, и Ли Чу жадно хватал ртом разреженный воздух. Но этого не хватало. Несмотря на то, что сознание еще теплилось и он продолжал слабо сопротивляться, разница в силах была слишком велика. После долгих мучений Ли Чу обмяк.

Его тело оказалось слабее, чем он думал.

С тех пор как Ли Чу узнал тайну своей приемной матери, он был сломлен и спал не более пяти часов в сутки. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним вставали картины ее ухода. Она была единственным человеком, который любил его.

Пока Ли Чу боролся в полузабытьи, до него донеслись дрожащие голоса:

— Б-брат Цзян, вы... вы пришли?

Цзян Го с бесстрастным лицом прошел мимо них, встал у раковины и, бросив острый взгляд в зеркало, лениво закатал рукава, чтобы вымыть руки.

Парни, стоявшие рядом, с замиранием сердца следили за каждым его движением, боясь даже вздохнуть, чтобы случайно не вызвать гнев Цзян Го. Гнев Цзян Го обычно вел к ужасным последствиям.

Когда Цзян Го закончил, парни наперебой бросились вытирать его руки, словно преподносили дар самому божеству. Тот, кто стоял ближе всех к Ли Чу, побледнел, поспешно отпустил жертву и, озираясь, со страхом уставился на Цзян Го.

Однако в следующую секунду Цзян Го, вопреки их ожиданиям, вытер руки и направился к выходу, не выражая никаких эмоций.

Это поведение Цзян Го повергло их в шок. Все провожали его взглядами, пока фигура не начала скрываться, и тут до их слуха донесся голос, от которого сердца вновь ушли в пятки:

— Слишком шумит вода.

Это короткое, лишённое всяких чувств замечание заставило волосы у них на руках встать дыбом. Парни перевели взгляды на Ли Чу и, убедившись, что тот ещё жив, тихо выругались.

— Продолжаем?

— Какое ещё «продолжаем»? Ты что, не слышал, что сказал Брат Цзян?

— А что он сказал? Он же просто заметил, что вода шумит. Мы её выключим — и дело с концом!

— Дурак, ты что, жить надоел?

Двое, покусанные Ли Чу, со злостью стиснули зубы. В их глазах горела ярость, и один из них процедил остальным:

— В этот раз оставим его в покое, уходим.

— У меня будет ещё масса возможностей. Я обязательно заставлю тебя почувствовать, каково это — балансировать на грани жизни и смерти.

<http://bllate.org/book/22343/2340955>